

Maxim Kells

DREAMCORE

«Eternal love, a pure dream, untouched silence.»

3

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Maxim Kells

Dreamcore 3

«АВТОР»

2026

Kells M.

Dreamcore 3 / М. Kells — «Автор», 2026

Добро пожаловать в мир, где реальность переплетается с кошмаром, а свет и тьма ведут вечную битву за души людей. Русик — гибрид, рождённый на стыке двух миров. Его мать, бесуха, и отец, вампир, наделили его силой, о которой он даже не подозревает. Но в мире, где корпорация BAYER во главе с безжалостным Уолтером Байером ставит эксперименты над людьми, его происхождение становится смертельным приговором. Когда Русик узнаёт правду о подземных лабораториях, о пропавших людях и о том, что его отец стал очередной жертвой безумного учёного, он решает действовать. Вместе с матерью и Кириллом, который носит в себе свет Дримкора, он проникает в логово врага. Но Байер ждал их. Русик попадает в руки палача, и его жизнь превращается в ад. Возрастное ограничение: 18+ От Автора: Не все истории заканчиваются счастливым концом, ведь у каждой из них есть истинное начало, которое остаётся с нами навсегда. Простите если ваши надежды небыли оправданы...

© Kells M., 2026

© Автор, 2026

Maxim Kells

Dreamcore 3

Глава 1. Новая жизнь.

Два года. Два долгих, серых, выматывающих года прошло с того дня, как Стас, грубо схватив Макс за руку, затолкал её в чёрный автомобиль с тонированными стёклами и увёз из того города, который она считала домом. Теперь их домом стал этот — холодный, промозглый, с вечно мокрым асфальтом и лицами прохожих, на которых редко можно было увидеть улыбку. Где-то здесь, среди этих одинаковых серых зданий, они должны были начать новую жизнь. Жизнь, которую Стас выбрал для них.

Макс сидела у кухонного окна, глядя, как крупные капли дождя разбиваются о стекло. Внутри было тихо, только где-то в комнате тикали старые часы, да на плите закипал чайник. Она научилась жить в этой тишине. Научилась улыбаться, когда Стас приходил домой, и молчать, когда он начинал говорить о работе — о том, как он «поднимается» в новой корпорации. Она научилась быть тенью, умело растворяться в углах, чтобы не вызывать его гнев. Но она также научилась ждать. Всегда ждать. Ждать, что однажды что-то изменится. Что однажды Кирилл вернется.

Она помнила ту ночь отчётливо, как будто это случилось вчера. Чёрный автомобиль, рёв мотора, её отчаянные крики, заглушённые музыкой из динамиков. Русик, ещё совсем маленький, спал у неё на руках, не понимая, что происходит. Стас вёл машину молча, лишь изредка поглядывая на неё в зеркало заднего вида. Его красные глаза горели холодным торжеством. Он вёз их в новую жизнь. В клетку.

В клетку, которую он называл домом.

Город встретил их серым дождём. Макс помнила, как впервые ступила на эту землю — мокрый асфальт, запах выхлопных газов и сырости, бесконечные панельные пятиэтажки, тянущиеся к низкому небу. Тогда она подумала, что хуже места найти невозможно. Но Стас, как всегда, был доволен. Он смотрел на этот унылый пейзаж с гордостью, как на свою личную вотчину. Он уже видел себя здесь — важным человеком, сотрудником огромной корпорации, отцом семейства, которое он держал на коротком поводке.

— Привыкай, — сказал он тогда, вытаскивая её из машины за локоть. — Здесь ты будешь жить. Здесь мы будем жить. Вместе. Навсегда.

Она не ответила. Она смотрела на сына, который проснулся и испуганно озирался по сторонам, и внутри неё закипала такая ярость, что она боялась — если она откроет рот, она закричит. И тогда Стас сделает ей больно. Не сейчас. Потом. Когда они останутся одни. Она уже знала этот его взгляд — спокойный, уверенный, как у хозяина, который знает, что его вещь никуда не денется.

Квартира, которую он выкупил, была такой же серой, как и весь город. Большая, странная, с облупившейся краской на стенах и вечным запахом табака, въевшимся в обои, тут явно просился ремонт. Макс ненавидела этот запах. Она ненавидела скрипучие половицы, ненавидела кухню с ободраным столом, ненавидела спальню, где Стас запирали её по ночам, когда уходил на работу. Но она терпела. Она научилась терпеть.

Русик рос с пугающей скоростью. Казалось, что каждый день он становился старше, умнее, сильнее. Ему было почти три, но он говорил почти чисто, задавал вопросы, на которые у Макс не всегда находились ответы. Он был высоким для своего возраста, и его глаза, которые при рождении были темно-синими, как у неё, постепенно наливались багровым оттенком, как у Стаса. Макс каждый раз вздрагивала, глядя в эти глаза, но в них было что-то другое. Что-то

тёплое, мягкое, чего она никогда не видела в холодном взгляде отца. В них была сама жизнь. Маленькая искра, которую она поклялась беречь.

— Мам, а почему папа такой злой? — спросил он однажды вечером, когда Стас с грохотом захлопнул дверь, уходя на ночную смену. — Он меня не любит?

Макс присела перед ним, взяла его маленькие ладошки в свои и заглянула в глаза.

— Он просто устаёт, Русик, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это не твоя вина. Ты ни в чём не виноват.

Но она лгала. Она всегда лгала, когда речь заходила о Стасе. Потому что правда была слишком страшной, чтобы говорить её ребёнку.

— А почему мы не можем уехать? — спросил он, и в его голосе послышалась обида. — В тот город, где было солнце? Я помню, там было тепло.

Макс замерла. Он помнил. Русик помнил тот город, тот дом, ту жизнь, которая была у них до Стаса. Это пугало её. Потому что если он помнит, значит, он может рассказать. А если он расскажет Стасу...

— Мы не можем уехать, — сказала она твёрдо, сжимая его плечи. — Это наш дом теперь. Мы должны здесь жить. Но я обещаю тебе, Русик... однажды мы уедем. Когда-нибудь. Ты должен верить мне. Хорошо?

Русик посмотрел на неё своими алыми глазами, и в них мелькнуло что-то, чему Макс не могла найти названия. Слишком взрослое для трёхлетнего ребёнка. Слишком тяжёлое.

— Я верю, — сказал он, и его голос был твёрдым, как у взрослого. — Я буду ждать.

И это слово — «ждать» — стало их общей тайной. Макс научилась ждать по-настоящему. Ждать, когда Стас уснёт, чтобы открыть книгу с синей обложкой. Ждать, когда он уйдёт на работу, чтобы поговорить с Русиком о том, что нельзя говорить вслух. Ждать ночи, когда Кирилл наконец появится на пороге их квартиры.

Каждую ночь, когда город погружался в сон и в квартире слышалось только ровное дыхание спящего Стаса, Макс открывала книгу. Ту самую, с потертой синей обложкой, которую Кирилл оставил ей в старом гараже, за несколько дней до их побега. Она перечитывала страницы о Дримкоре, о свете, о том, как скрываться от Черного круга. Она не могла использовать эту силу — её происхождение, её сущность, та тёмная часть, которую она унаследовала от отца-беса, не позволяла ей прикасаться к чистому свету. Но книга давала ей надежду. Она была её связью с прошлым. Её напоминанием о Кирилле.

Каждый вечер, прежде чем закрыть глаза, она думала о нём. О его золотых глазах. О том, как он держал её за руку в день их побега, его обещание.

Дни тянулись, сменяя друг друга с безжалостной монотонностью. Макс устроилась в систему городской слежки. Её способность замечать детали и выстраивать логические цепочки пригодилась, и вскоре её повысили до оператора. Она смотрела на тысячи экранов и видела, как живёт город. Она видела лица людей, их радости и горести, их будничные заботы. Но ни на одном из этих экранов не появлялся Кирилл.

Она почти перестала надеяться. Почти убедила себя, что та ночь была лишь сном. Почти смирилась. Почти.

Это случилось поздней осенью. Октябрь выдался дождливым и холодным. Макс сидела на кухне одна, держа в ладонях остывшую кружку с чаем. Стас уехал в командировку, и в квартире стояла непривычная, почти давящая тишина. Русик уже спал, утомлённый долгим днём.

Она уже собиралась встать и идти в спальню, когда услышала шаги — тихое, едва различимое эхо на лестничной площадке. И Макс узнала их. Она узнала бы этот ритм из тысячи других. Сердце пропустило удар, а затем забило с такой силой, что, казалось, выпрыгнет из груди. Она медленно поднялась, чувствуя, как дрожат руки. Она прошла через прихожую и

подошла к двери. Её ладонь легла на холодную ручку. Она замерла, прислушиваясь к себе, к этому странному, пьянящему чувству, которое разливалось по телу. Надежда.

Она открыла дверь.

Кирилл стоял в тени, на лестничной площадке. Он был старше — в его чертах появилась жёсткость, в плечах — уверенность. Но его глаза горели тем же чистым, золотым светом, который она помнила. Он был выше, худее, но в нём чувствовалась сила. Спокойная, уверенная. Он смотрел на неё, и в его взгляде не было ни осуждения, ни жалости. Только радость. Только облегчение.

— Привет, — сказал он тихо. Его голос был хриплым, как будто он долго молчал.

Макс замерла. Внутри неё всё оборвалось, а затем снова зажглось теплом, которое она считала мёртвым. Она хотела что-то сказать, но слова застряли где-то в горле. Только слёзы сами собой покатились по щекам.

— Ты... — прошептала она, боясь, что если она заговорит громче, он исчезнет, как мираж. — Ты вернулся.

— Я обещал, — сказал Кирилл, и на его губах появилась его прежняя, чуть грустная улыбка. — Я всегда держу обещания.

Она шагнула вперёд, протянула руки и обняла его. Крепко, почти до боли, как будто боялась, что он снова растворится в воздухе. Она чувствовала его запах — запах свежего воздуха, дождя и чего-то далёкого, похожего на озон. Он был реален. Он был здесь. Он вернулся к ней, как и обещал.

— Я ждала, — прошептала она, уткнувшись лицом в его плечо. — Я ждала тебя всё это время. Два года... Я думала, что ты пропал навсегда.

— Я знаю, — ответил он, обнимая её в ответ. Его руки были сильными, но в них чувствовалась странная хрупкость. — Прости, что так долго. Время в Дримкоре течёт иначе. Для меня прошло всего несколько месяцев. Я не знал, что здесь уже прошло два года.

Она отстранилась, чтобы взглянуть на него. Его лицо было более измождённым, чем она помнила. Под глазами залегли тени, но в самом взгляде было спокойствие. Его свет, которым он когда-то сиял, теперь горел ровнее, глубже. Он научился управлять им. Он стал сильнее. Но в нём всё ещё жила та же боль, что и раньше. Боль потери, боль ожидания.

— Ты сильно изменился, — сказала она, касаясь пальцами его щеки, словно проверяя, настоящий ли он.

— А ты выглядишь всё так же, — ответил он, глядя на неё с теплотой. — Ты такая же сильная.

Они стояли на холодной лестничной площадке, и ледяной ветер дул из приоткрытого окна. Макс вдруг вспомнила, где находится. Вспомнила, что Стас может вернуться в любую минуту. Что если он застанет их здесь, это будет катастрофой. Для всех.

— Тебе нельзя здесь оставаться, — прошептала она, бросив нервный взгляд на дверь. — Если он увидит тебя... Он не поймёт. Он меня убьёт.

— Я знаю, — Кирилл взял её за руку. Его пальцы были тёплыми. — Я не останусь надолго. Я хотел только увидеть тебя. Убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке, — сказала она, но её голос дрогнул. — Я держусь. Ради него. Мне больше некуда идти.

Она посмотрела в сторону комнаты, где спал Русик. Кирилл проследил за её взглядом.

— Это твой сын? — спросил он.

— Да, — кивнула она, и в голосе появилась нежность. — Русик.

Кирилл улыбнулся — тепло.

— Он похож на тебя, — сказал он.

— Ты не знаешь, — прошептала она, и в её голосе послышался страх. — Я боялась, что он станет таким же, как Стас. Но, к счастью, обошлось. Я занимаюсь с ним. Я стараюсь, чтобы он вырос другим.

— Он не станет, — уверенно сказал Кирилл. — Потому что у него есть ты. Ты занимаешься с ним. Ты даёшь ему любовь. А Стас и так почти не бывает дома, я в этом уверен.

Он снова взял её за руку.

— Я пришёл не просто так, — сказал Кирилл, и его голос стал серьёзнее. — Я должен остановить тех, кто стоит за этой корпорацией. Тех, кто строит этот парк. Я должен уничтожить то, что они строят здесь.

— Как ты собираешься это сделать? — спросила она.

— Я не знаю точно, — честно признался он. — Но я найду способ. Я не позволю Байеру снова уничтожить всё. Все проблемы тянутся отсюда. Из его лабораторий. Из его безумных экспериментов.

Они стояли в темноте, и их руки были переплетены. Макс чувствовала, как внутри неё разливается тепло. Не страх, не злость. Надежда.

— Когда мы увидимся снова? — спросила она, не желая отпускать его руку.

— Каждый день, если ты сможешь, — сказал он. — Я буду приходить по ночам, когда он будет спать. Мы будем встречаться тайно. Никто не должен знать об этом.

— Это очень опасно, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он. — Но я не могу оставить тебя. Не снова.

Макс посмотрела на него, и в её глазах появилась улыбка. Первая по-настоящему искренняя улыбка за последние два года.

— Ты всё такой же, — сказала она. — Такой же упрямый идиот.

— А ты всё такая же, — ответил он, улыбнувшись в ответ. — Такая же сильная.

Он отпустил её руку и сделал шаг назад, в темноту лестничной клетки.

— Я приду завтра ночью, — пообещал он. — В это же время. Будь готова.

— Я буду, — прошептала она.

Он исчез так же бесшумно, как и появился. Только лёгкое эхо шагов на лестнице напоминало, что он действительно был здесь.

Макс стояла в дверях, глядя в пустоту. Её сердце колотилось как бешеное. Она прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Внутри неё, в той самой тёмной, запрятанной глубоко части души, снова зажглась искра. Она была маленькой, почти незаметной, но она горела.

Она чувствовала, что жизнь начинает меняться. И это было самое страшное и самое прекрасное чувство, которое она испытала за долгие годы.

Глава 2. Русик.

Русик рос быстро. Слишком быстро для обычного ребёнка. Макс замечала это каждое утро, когда он просыпался: как будто за ночь он становился старше на месяц. Он вытягивался, его голос становился глубже, а его глаза — те самые, что когда-то были тёмно-синими, как море в сумерках — всё больше наливались алым, отцовским светом. Она смотрела на него и не знала, что это означало. Гибрид. Полувампир, полубес. Что ждало её сына в мире, где такие, как он, не имели права на существование?

В три года он уже читал по слогам, к удивлению воспитателей в детском саду. В пять лет он рассуждал о том, о чём другие дети даже не задумывались. «Почему мы живём в этом городе?», «Почему я должен бояться людей в чёрных костюмах?». Макс не всегда знала, что ответить. Она уходила от вопросов, переводила разговор, давала ему книгу или краски. Русик любил рисовать. Это было его убежищем, его способом говорить о том, что он не мог выразить словами.э

Его рисунки были странными. Они не походили на детские каракули. На листах бумаги проступали города, которых не было на карте. Существа с крыльями, парящие над золотыми куполами. Фигуры в сияющих одеждах, которые спускались по облачным лестницам. Он рисовал их с пугающей точностью, прорисовывая каждую деталь, каждую тень.

— Откуда ты это берёшь? — спросила она однажды вечером, глядя на его очередной шедевр. На этот раз на бумаге был изображён мужчина с золотыми глазами, стоящий на вершине башни.

Русик пожал плечами, не отрываясь от кисти.

— Я вижу это во сне, — сказал он просто. — Или иногда я просто сам это придумываю. Там всё белое и золотое. Там красиво. Гораздо красивее, чем здесь.

Макс замерла. Она знала, что он видел во сне. Золотые ворота, белые стены, чистый свет. Это был Дримкор. Она присела перед ним и взяла его за плечи.

— Послушай меня, Русик, — сказала она строго, глядя ему в глаза. — Ты никому не должен рассказывать об этом. Никому. Даже папе. Ты меня понял?

Русик уставился на неё своими алыми глазами. В них мелькнуло непонимание, но он кивнул.

— Понял, мама.

Она обняла его, чувствуя, как в груди разливается страх. Если Байер узнает, что в городе живёт гибрид, что он может быть связующим звеном между мирами... Он не упустит такой шанс. Она не хотела даже думать об этом.

Их тайные встречи с Кириллом стали ритуалом, который помогал ей держаться. Раз в неделю, иногда чаще, когда Стас задерживался на работе в BAYER или уезжал в командировки, Кирилл приходил к ним. Бесшумный, как тень. Они сидели на кухне, пили чай и говорили часами. Он рассказывал ей о Дримкоре — о том, как он выживал в золотом городе, о том, как учился управлять своим светом, о том, как искал путь назад, на Землю. Он говорил о Байере, о его планах, о том, как корпорация проникла во все сферы жизни города, он узнал все это из летописей, написанных в Дримкоре.

— Он сильнее, чем раньше, — говорил Кирилл, и в его голосе звучала тревога. — Я чувствую его влияние. Больницы, полиция, школы — всё под его контролем. Он не просто строит корпорацию, он строит империю.

— И что мы можем сделать? — спрашивала Макс, чувствуя своё бессилие. — Мы двое против целой корпорации?

— Мы не одни, — отвечал Кирилл. — Андрей где-то здесь, на Земле. Я чувствую его. Он жив. Он тоже ищет нас.

— Ты уверен? Я не видела его с тех пор, как мы уехали. Куда он исчез?

— Уверен, — твёрдо говорил Кирилл. — Я бы почувствовал, если бы он умер. Он мой брат. Наша связь сильнее времени и расстояния.

Макс смотрела на него и видела, как в его глазах мерцает золотой свет. Он стал сильнее, увереннее. Но в нём всё ещё жила та же боль, что и раньше. Боль потери, боль ожидания. Боль по брату.

— Ты всё ещё ищешь его, — сказала она однажды. — Андрея.

— Я всегда буду искать его, — ответил Кирилл, и его голос дрогнул. — Он — часть меня. Как ты. Как Русик. Как этот город.

Она взяла его за руку, и он сжал её пальцы. Между ними была искра, проверенная годами и расстояниями.

— Мы должны спрятать Русика, — сказала Макс. — Если Байер узнает, что он гибрид...

— Он не узнает, — пообещал Кирилл. — Я не допущу этого.

Русик тем временем рос и становился всё более замкнутым. Он чувствовал, что отличается от других. В школе его дразнили «Русик-пупсик». Учителя косились на него, а отец, если и обращался к нему, то только с упрёками или приказами. Он привык быть невидимым, привык прятаться в тени, замыкаться в себе. Только мать видела его настоящего. И Кирилл, который относился к нему как к взрослому.

— Ты особенный, Русик, — сказал ему однажды Кирилл, когда они остались вдвоём на кухне. — Ты не такой, как все. И это не плохо. Это хорошо. Тебе просто нужно научиться принимать это. И научиться защищать себя.

— Почему хорошо? — спросил Русик, сжимая в руках очередной рисунок. — Я хочу быть как все. Нормальным. Мне надоело, что меня постоянно задирают.

— Ты не сможешь быть нормальным, — честно ответил Кирилл. — Это не проклятие. Это дар. Просто ты должен научиться им пользоваться. Я могу тебя научить. Ну, или хотя бы показать.

Русик поднял на него свои алые глаза, и в них мелькнуло что-то новое. Понимание. Желание. Он не знал, что такое Дримкор, но он чувствовал, что Кирилл говорит правду.

Ему было шестнадцать, когда мать устроила его на работу в ту же систему городской слежки, где проработала уже много лет. Огромное серое здание в центре города, с бесконечными коридорами и тысячами экранов, стало его вторым домом.

— Это твой шанс, — сказала Макс, когда они стояли у входа. Она выглядела уставшей, под глазами залегли тени, но в них горел тот же странный свет, что и всегда. — Здесь ты сможешь зарабатывать свои деньги. Видеть мир. Главное — не лезь туда, куда не надо.

— Что значит «не лезь»? — спросил Русик.

— Это значит, что ты смотришь, но не вмешиваешься. Ты работаешь с информацией, но не ищешь её. — Она сжала его плечо так крепко, что он поморщился. — Ты понял, Русик? Этот город принадлежит корпорации W.BAYER. Они следят за всем. За каждым шагом, за каждым словом. Если ты полезешь не в своё дело, они узнают. И тебе будет очень плохо. Нам всем будет плохо.

— Понял, — кивнул Русик, хотя внутри он не понимал, зачем бояться корпорацию, которая строит больницы и создаёт лекарства.

Это он понял позже.

Через три месяца работы, когда он уже научился различать лица на тысячах экранов, замечать странные маршруты и запоминать номера машин, он впервые увидел того, кто изменил его жизнь.

Это был парень на Центральном проспекте. Он стоял у входа в больницу W.BAYER, нервно перебирая в руках какие-то бумаги. Русик заметил его случайно — просто переключал камеры, скучая, когда наткнулся на этот кадр. Парень был бледным, с тёмными кругами под глазами, и выглядел так, будто не спал несколько суток. В руках он держал толстую папку с жёлтыми листами, которые вываливались наружу. Он оглядывался по сторонам, как будто искал кого-то или боялся, что его увидят.

Русик приблизил картинку, вглядываясь в лицо незнакомца. Вдруг парень резко обернулся и посмотрел прямо в камеру. На мгновение Русику показалось, что тот видит его, что он ищет контакта.

Русик вздрогнул и сделал скриншот.

— Странный тип, — пробормотал он и решил показать фотографию матери.

Через час, когда Макс пришла проверить его работу, он позвонил её к экрану.

— Мам, смотри. Что это за чувак? Он уже час стоит у больницы, никуда не уходит, всё перебирает какие-то бумаги.

Макс наклонилась к экрану. Её лицо мгновенно изменилось. Напряжение, которое она обычно скрывала, проступило наружу. Она приблизила изображение и долго всматривалась в лицо парня.

— Ты его раньше видел? — спросила она, и голос её стал тише.

— Нет, — ответил Русик, удивлённый её реакцией. — А что?

— Ничего, — сказала она слишком быстро. — Просто... он выглядит подозрительным. Доложи старшему. Но не лезь. Ты просто смотришь. Ты не вмешиваешься.

Она развернулась и ушла. Но Русик заметил, как дрожали её руки, когда она налиwała себе чай.

Всю ночь она просидела на кухне, глядя в одну точку, а Русик лежал в своей комнате и слушал, как она иногда тяжело вздыхает. Что-то было не так.

Через неделю Русик нарушил запрет матери. Он не мог объяснить это чувство. Может быть, любопытство. Может быть, скука. А может быть, просто ощущение, что этот бледный парень с бумагами был важен. Что он искал кого-то или что-то, и если Русик не поможет ему, никто не поможет.

Он нашёл его через три дня. Парень сидел на скамейке в парке, в том самом, что примыкал к больничному комплексу. Он выглядел ещё более измождённым, чем в прошлый раз, но всё так же судорожно перебирал свои бумаги.

Русик сел рядом с ним.

— Ты чего ищешь? — спросил он без предисловий.

Парень вздрогнул, отшатнулся и уставился на Русика, будто тот был призраком.

— Ты кто такой?

— Я тот, кто может помочь, — сказал Русик, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовал себя на самом деле. — Я работаю в центре слежки. Я видел тебя у больницы. Ты искал что-то. Что?

Парень смотрел на него долго, слишком долго. Русик уже думал, что тот сейчас встанет и уйдёт. Но он вдруг выдохнул, как будто принимая решение.

— Меня зовут Эдди, — сказал он. — Я... я работаю в системе. Как и ты. Но недавно я узнал правду. Страшную правду. Я больше не могу здесь оставаться.

— Какую правду? — спросил Русик, чувствуя, как в груди начинает холодать.

— О том, что происходит в этом городе, — Эдди посмотрел на него, и в его глазах была такая боль, что Русик поёжился. — О том, что Байер делает с людьми. О том, куда исчезают дети из детских домов. И бомжи. И животные с улиц.

Эдди раскрыл свою папку. Внутри лежали фотографии — чёрно-белые, размытые, но узнаваемые. Больничные коридоры, палаты, операционные. Тела на металлических столах. Люди, которые выглядели мёртвыми, но на мониторах рядом с ними бились линии сердечного ритма.

— Что это за хрень? — прошептал Русик.

— Это подземные лаборатории W.BAYER, — сказал Эдди. — Там проводят эксперименты на людях. Без их согласия. Они забирают людей с улиц, детей из приютов... и делают из них что-то другое. Иногда они возвращаются, но уже не те. Совсем не те.

Русик смотрел на фотографии, и внутри него росло что-то тяжёлое, горячее. Злость. На этот город, на корпорацию, на отца, который работал на W.BAYER и никогда ничего не говорил.

— Ты уверен в этом? — спросил он, сжимая кулаки.

— Я работал там, — сказал Эдди, и его голос дрогнул. — Я был наблюдателем в одной из лабораторий. Я видел, что они делают. Я сбежал, когда понял, что следующим буду я. Я должен показать эти документы кому-то. Ты должен мне помочь.

Русик захлопнул папку. Его сердце колотилось.

— Я помогу, — сказал он. — Что нужно делать?

Они обменялись номерами, и Русик ушёл, сжимая в руках копии документов, которые дал ему Эдди. Он спрятал их в куртке и пошёл домой, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он не знал, что это начало конца.

Через какое-то время Эдди исчез. Русик ждал его звонка три дня, потом позвонил сам — номер был недоступен. Он пришёл на скамейку в парке — пусто. Сходил к больнице — никто не видел парня с папкой. Он спросил у матери, не знает ли она кого-то по имени Эдди, и Макс побледнела, но ничего не сказала.

— Забудь про него, — сказала она. — Забудь, что ты его видел. Не лезь в это дело, Русик.

Но Русик не мог забыть. Он видел лица на фотографиях. Он знал, что где-то там, под землёй, происходит что-то страшное, и если он промолчит, это будет продолжаться.

Он начал своё расследование.

Глава 3. Уолтер.

Русик узнал, кто такой Уолтер Байер. Он не хотел верить этому. В городе Байера все знали — он был создателем корпорации, филантропом, строителем больниц и школ. На его портреты в газетах смотрели с уважением. В его клиники шли за лечением. Его имя было на каждом углу. Но Русик знал правду. Он нашёл архивные записи в системе слежки — старые, почти удалённые, но не до конца стёртые. Записи о пропавших детях, о бездомных, которые исчезали из приютов, о странных грузовиках, которые ночью приезжали к зданию W.BAYER. Он собрал всё, что мог, и начал понимать картину. W.BAYER не просто корпорация. Это была машина. Машина, которая перерабатывала людей в ресурсы. И Уолтер Байер стоял во главе этой машины.

Но он не мог просто так войти в здание. Охрана была везде. Камеры. Системы распознавания лиц. Если он попытается проникнуть туда без прикрытия, он станет следующим, кто исчезнет.

Он начал искать другой способ.

Однажды Русик встретил его случайно — когда спускался по лестнице после анализов. Он стоял у входа в больницу, когда из дверей вышел высокий блондин с янтарными глазами, в очках. Он был одет в белый халат, но под ним виднелся строгий костюм. Он двигался спокойно, уверенно, и казалось, что весь мир вокруг него замирает. Русик узнал его по фотографиям. Уолтер Байер.

Он хотел отойти, спрятаться, но Байер уже заметил его. Он посмотрел прямо на него, и Русик почувствовал себя насекомым под микроскопом.

— Вы что-то ищете, молодой человек? — спросил Байер, приближаясь.

— Нет, — сказал Русик, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я просто... ждал.

— Кого?

— Друга. Он должен был прийти.

Байер прищурился, и его янтарные глаза, казалось, просвечивали Русика насквозь.

— Я не вижу здесь никого, — сказал он. — Может, я могу вам помочь?

— Нет, спасибо, — сказал Русик, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Я пойду.

Он развернулся и пошёл прочь, чувствуя спиной взгляд Байера. Он не оглядывался, но слышал, как шаги за ним стихли. Байер стоял и смотрел ему вслед.

Когда Русик завернул за угол, он почти побежал. Он не знал, что Байер уже всё знал. Что он знал об Эдди, о документах, о расследовании. Что он ждал, когда Русик сам придёт к нему. И что это была ловушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.